

ТЕАТРАЛЬНАЯ

Жизнь

Встречи с Чеховым

А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР,
народный артист СССР

Мне не пришлось быть в длительном личном общении с Антоном Павловичем Чеховым, но у меня было несколько встреч с ним, о которых я хочу рассказать.

С Чеховым я познакомился в Москве. Однажды меня позвали к Толстым обедать и предупредили, что у них будет Чехов. Чехову видимо, хотелось прийти ко Льву Николаевичу и поговорить с ним. То же хотелось и Толстому. Софья Андреевна не поняла этого и позвала к обеду «на Чехова» гостей, правда, не очень многочисленных. Из этого визита Чехова ничего не вышло. Лев Николаевич с ним вовсе не оставался с глазу на глаз. Чехов был смущен, не в своей тарелке, почти все время молчал. Меня заставили играть, хотя моя музыка явно никому не была нужна. Чехов вскоре ушел...

Как-то ранней весной на пасху я поехал в Ялту (это была моя первая поездка в Крым). Чехов тогда жил уже в Ялте. Незадолго до моего отъезда из Москвы в журнале «Жизнь» был напечатан большой рассказ Чехова «В овраге». Лев Николаевич читал его в Хамовниках вслух и, как всегда, восхищался чеховским мастерством.

Толстой очень хорошо читал — очень просто, но в то же время с большим искусством передавая особенности речи действующих лиц. Я несколько раз слушал, как Лев Николаевич читал рассказ «Душечка», который ему чрезвычайно нравился и к которому он написал послесловие: он два раза три при мне читал его приходившим к нему людям.

Когда Лев Николаевич с осени 1901 года по июнь 1902 года жил в Крыму, в Гаспре, я несколько раз приезжал туда на некоторое время. По вечерам иногда читали вслух. Льву Николаевичу почему-то нравилось мое чтение, и он просил меня читать. Читали Чехова. Помню, я читал небольшой рассказ «Без заглавия», который Льву Николаевичу очень понравился, и большую повесть Чехова «Скучная история». Лев Николаевич искренне ею восхищался и неоднократно отмечал чрезвычайный ум Чехова — похвала в его устах довольно редкая.

Как я уже сказал, рассказ «В овраге» я слышал от Льва Николаевича незадолго до моей первой поездки в Крым. На другой день по приезде в Ялту я зашел в городской сад и встретил там Чехова. Он шел по дорожке сада, зяб-

ко кутаясь в осеннее пальто, не смотря на теплый солнечный день. Я подошел к нему, поздоровался и, так как он меня, по-видимому, не узнал, напомнил ему, где мы с ним познакомились. Во мне было тогда еще много молодой наивности. Думая сделать Чехову приятное, я сказал ему:

— Я на днях слышал ваше новое произведение... (И понесла же меня нелегкая употребить такое нелепое слово!)

Чехов весь передернулся, как от электрического тока, и с отвращением перебил меня:

— Какое произведение?!

Он особенно подчеркнул это слово.

Почувствовав всю глупость своей фразы, я пробормотал:

— Я был у Льва Николаевича. Он читал вслух ваш рассказ «В овраге» и очень его хвалил...

И, не дождавсь ответа, я поспешил откланяться.

Я так обрадовался, увидев Чехова, рассказы и повести которого всегда любил, любил его как человека, так мне хотелось как-нибудь выразить ему свое чувство, а вместо этого — такая неприятность, что сразу мое хорошее настроение улетучилось. Мне до

сих пор больно вспоминать эту встречу — до такой степени, что я никогда никому о ней не рассказывал...

Чехов несколько раз при мне приезжал в Гаспру. Он производил на всех чарующее впечатление, — его тихий, низкий голос, простая речь, тонкая, меткая, со скрытым мягким юмором. Вид у него был плохой, он постарел и все кашлял. Говорил мало, отрывочными фразами, но как-то всегда попадал в самую точку. Трогательно и хорошо рассказывал он, как они с матерью живут вдвоем зимой в Ялте, как они сидят одни, каждый в своей комнате, — воет ветер, и какая бывает тоска...

Чехов трогательно относился ко Льву Николаевичу. В нем видно было глубокое чувство любви, уважения, я бы сказал — даже преклонения, и прежде всего — перед моральным авторитетом Льва Николаевича. Чехов сказал как-то: «Я знаю людей, которые только потому не сделают подлости, что еще жив Лев Толстой».

Лев Николаевич был с Чеховым ласков; огорчался его плохим здоровьем. Толстой высоко ценил художественное дарование и ум Чехова-писателя и считал его язык едва ли не лучшим в русской литературе. К Чехову-человеку он

относился с большой симпатией и теплотой.

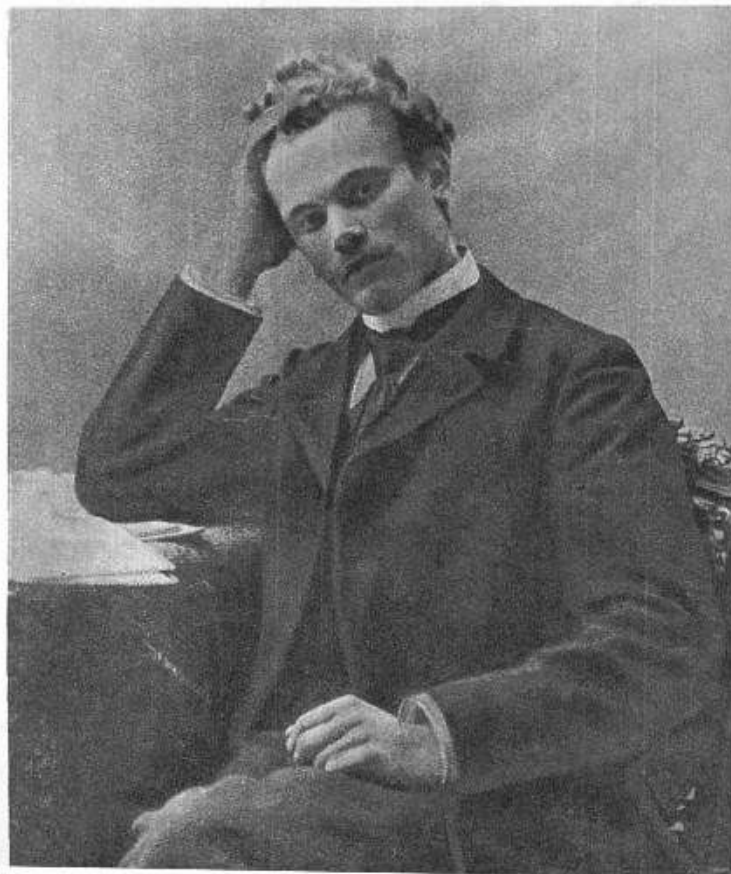
Когда Чехов в 1897 году захворал кровохарканьем и лежал в клинике профессора Остроумова, Лев Николаевич пошел к нему его проведать. Чехов был очень тронут этим посещением, но попытка Льва Николаевича заговорить с ним о самом для Толстого важном не встретила в Чехове отклика. В другой раз Лев Николаевич проведать Чехова, когда он уже выписался из клиники и переехал на свою московскую квартиру в Дегтярном переулке на Малой Дмитровке в доме Шешкова. Когда Лев Николаевич возвращался от него по бульвару, я встретил его. Он рассказал мне, что был у Чехова, — я проводил его по Пречистенскому бульвару и Пречистенке домой. На улице редкий прохожий не узнавал Льва Николаевича, почти все снимали шляпы и кланялись...

Когда я был в Ялте и в Гаспре на пасху 1902 года, в Крыму был Шаляпин. Однажды Горький, Шаляпин и я втроем поехали в коляске из Оленза в Ялту к Чехову. В Ялте к нам присоединился ялтинский доктор Альтшуллер, лечивший Чехова. По дороге говорил больше Шаляпин, как всегда, мастеровски рассказывая часто весьма забавные анекдоты. Горький смеялся и сам рассказывал, как в Нишнем кто-то (кажется, городского) поймал мальчишку-жулика, но, когда он держал его за шиворот, мальчишка вдруг вывернулся, по словам городского, «здалким спинозой», и удрал. Неожиданное предположение имени великого философа в сознании нижегородского городского!

Чехова мы увидели во дворе у огромной глиняной урны, стоявшей вблизи крыльца. С ним была собачонка-такса. Удивил меня ручной журавль, ходивший за Чеховым. Антон Павлович был в теплом пальто: несмотря на прекрасную погоду он постоянно зябнул. Мы пошли в дом. Нас встретила сестра Чехова Мария Павловна. У них оказался еще гость — писатель Иван Алексеевич Бунин, худой, изящный, безукоризненно одетый, что придавало ему чуть-чуть фатоватый вид; лицо умное.

Зашли к Антону Павловичу в кабинет. Чехов и Бунин сели на низкий диван, стоявший в глубине комнаты. Антон Павлович забился в правый угол дивана. Мы разместились среди комнаты на стульях. Разговор начался громкий, оживленный, но беспредметный... Бунин шутил и как-то подчеркивал, что он с Чеховым на короткой ноге. Горький отпугивал острые словечки, Шаляпин рассказывал свои вечные анекдоты. Антон Павлович мрачно молчал, сплевывая мокроту в бумажный пакетик... Лишь изредка он вставлял отрывочные меткие слова и только раз или два не выдержал и во время рассказов Шаляпина залился заразительным детским смехом, неожиданно озарившим его измученное болезнью лицо как бы лучом солнечного света...

Мы недолго побыли у Чехова и ушли с тяжелым сердцем, тем более что доктор Альтшуллер сказал нам, что приезжавший недавно ко Льву Николаевичу из Москвы доктор Шуровский осматривал и выслушивал Чехова и нашел его положение чрезвычайно серьезным...

А. В. Гольденвейзер (1903 год).